

DOI: 10.31857/S013038640027039-0

© 2023 г. А.В. ГОРДОН

## ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ П.А. КРОПОТКИНА

*Гордон Александр Владимирович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).*

*E-mail: gordon\_aleksandr@mail.ru*

*Scopus Author ID: 57193746873*

*Аннотация.* Раскрывающая характер мировоззрения и образ мышления выдающегося деятеля революционного движения теория революции затруднительна для однозначной оценки. Рассредоточенная в различных текстах как научного, так и пропагандистского характера, заметно эволюционировавшая в течение времени, она выглядит противоречивой в отдельных частях, что объясняется в конечном счете различием тех факторов, под влиянием которых она складывалась. Всем своим творчеством П.А. Кропоткин защищал идеалы анархизма и социализма, видя в революции путь к их осуществлению. А присущий ему, естествоиспытателю, естественно-научный взгляд обуславливал отношение к революции как эволюционному процессу в контексте всемирно-исторического поступательного движения. В эволюционном духе он размышлял о возможности смягчения социальных антагонизмов с направлением их разрушительной энергетики в позитивное русло. Немаловажным фактором творчества был гуманизм, побуждавший рассматривать все социальные явления сквозь призму реализации и развития принципов нравственности. Негодуя против страданий бедноты, Кропоткин задумывался о моральных издержках возмездия верхам общества, об опасности взаимного озлобления. Отстаивая доминирующую роль революций в истории, Кропоткин допускал в конкретных случаях альтернативу в качестве реформы. Субъектом революции надлежало быть народу: трудящимся и угнетенным социальным низам; задача прогрессивных представителей образованных слоев общества — указав цели революционной борьбы, способствовать ему в подобном волеизъявлении. Оправдывая стихийные формы массового протеста, мыслитель считал просвещение народа необходимым для превращения воплощающейся в революционных актах стихии разрушения в созидательное творчество масс. Провозглашая окончательной целью революции социалистическое устройство общества, Кропоткин допускал постепенность перехода к нему. В историческом процессе, наряду с прерывностью прогресса, отмечал преемственность позитивных форм социальности, возникших в истории, в том числе существующих в буржуазном обществе.

*Ключевые слова:* М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин, анархизм, эволюционизм, Великая французская революция, Российская революция 1917 г., идеология, общественно-политическая мысль, теория революции.

**A.V. Gordon**

### **Pyotr Kropotkin's Theory of Revolution**

*Alexander Gordon, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).*

*E-mail: gordon\_aleksandr@mail.ru*

*Scopus Author ID: 57193746873*

*Abstract.* The theory of the revolution, which reflects the world view and way of thinking of the prominent figure of the revolutionary movement, is difficult to assess unequivocally. Scattered across various texts, both scholarly and propagandistic, it had evolved markedly over time and appeared contradictory in some parts, which was ultimately due to the different factors under which it was formed. In all his work Pyotr Kropotkin defended the ideals of anarchism and socialism, seeing in the revolution the way to their fulfillment. The naturalistic view inherent in him, a natural scientist, conditioned his attitude towards revolution as an evolutionary process in the context of world-historical progressive development. In an evolutionary spirit, he considered the possibilities of mitigating social antagonisms, channeling their destructive energy in a positive direction. His humanism was an essential factor in his work, encouraging him to view all social phenomena through the prism of the realisation and development of moral principles. While resenting the suffering of the poor, Kropotkin reflected on the moral cost of retaliating against society's upper classes and the danger of mutual embitterment. Defending the dominant role of revolutions in history, Kropotkin admitted reform as an alternative in specific cases. The subject of revolution was to be the people, namely the workers and the oppressed social classes. The task of the progressive representatives of the educated sections of society was to point out the goals of the revolutionary struggle, to assist them in such an expression of their will. Justifying the spontaneous forms of mass protest, the thinker believed the enlightenment of the people to be necessary for the transformation of the destructive element embodied in the revolutionary acts into constructive creativity of the masses. Proclaiming socialist arrangement of society as the final goal of the revolution, Kropotkin allowed for a gradual transition to it. In the historical process, along with the interruptibility of progress, he noted the continuity of positive forms of sociality that had emerged in history, including those existing in bourgeois society.

*Keywords:* Mikhail Bakunin, Pyotr Kropotkin, anarchism, evolutionism, French revolution, Russian revolution 1917, ideology, social political thought, theory of revolution.

Отложив блестяще начатую научную карьеру географа-геолога, Кропоткин вступил в революционное движение в зрелом возрасте, повинувшись не только эмоциям, но и разуму. Последним толчком стала реакция 1870-х годов, когда ход демократических реформ в России был прерван и единственной возможностью их продолжения виделось революционное переустройство общества со сменой политического режима. Социальная революция сделалась для Кропоткина жизненным и творческим ориентиром, и он целеустремленно подготавливал ее пропагандистской деятельностью в России и за рубежом. Притом его отличало стремление подкреплять революционную страсть аналитической мыслью.

Выработкой того, что условно — из-за ее фрагментарности — можно назвать теорией революции, Кропоткин занялся в начале 1870-х годов во время первой поездки в Европу, окунувшись с головой в новейшую социалистическую литературу, не доходившую до России. В этих работах, равно марксистских и анархистских, он почерпнул толкование революции как способа уничтожения власти капитала и обретения социалистического общественного строя. Исключительное влияние на приверженца эмпирического знания оказало знакомство с рабочим движением под эгидой Первого интернационала. Революционер, ученый, мыслитель Кропоткин до конца остался верен усвоенным в ту пору идеалам социализма и анархизма, при том что их восприятие было обусловлено в немалой степени специфической средой ремесленников-часовщиков, которые составляли Юрскую федерацию Интернационала, ставшую ядром отколовшегося от него, под влиянием М.А. Бакунина, анархистского объединения<sup>1</sup>.

В теоретическом плане проектируемый переход от капитализма к социализму Кропоткин подверг критическому осмыслению сквозь призму естественно-научного мировоззрения, в основе которого лежал эволюционизм. Сравнивая двух корифеев анархизма, С.Ф. Ударцев подчеркивал отличие Кропоткина от Бакунина: «Революция для него момент более общей закономерности развития — эволюции. Не войны и революции, а мирное развитие

<sup>1</sup> О значении этого общения см.: Дамье В.В., Рублев Д.И. Петр Кропоткин. Жизнь анархиста. М., 2022. С. 160–161.

человечества, его естественные механизмы, по Кропоткину, должны стать основными объектами изучения»<sup>2</sup>.

Важнейшими направлениями творчества Кропоткина стали формирование отношений солидарности в обществе и природе (учение о взаимопомощи) и тесно связанное с ним этическое учение о становлении нравственности в истории человечества. Между тем он творил в эпоху войн и революций и как политик и ученый не мог игнорировать вопросы, драматически затрагивавшие жизнь миллионов людей, прежде всего на его родине. Именно проблемы России обусловили его выбор, который он постарался обосновать теоретически.

Исходным положением кропоткинской теории революции становится толкование последней как периода ускоренной эволюции, когда неизбежные изменения в общественной жизни происходят стремительно. Подобный темп становится источником напряжения в обществе, которое усиливается тем больше, чем шире размах преобразований. Напряжение разряжается острыми конфликтами, достигающими трагической кульминации в гражданской войне.

Революция так же сообразна человеческой природе, считал мыслитель, как и медленные, постепенные изменения, которые он отмечал в «культурных странах». Гражданская война тоже «нормальное» следствие революции; но вот как, задумываясь он, ограничить ее размах, достичь «наименьшего числа жертв», не увеличивать взаимной ненависти<sup>3</sup>. Говоря современным языком, Кропоткин ставил вопрос об «издержках» или «цене» революции, чем заметно выделялся среди революционных деятелей своего времени<sup>4</sup>. Еще больше отличия было в попытке ответа на этот вопрос, заслужившей упреки в идеализме и даже наивности, которые Петр Алексеевич слышал со всех сторон при жизни и которые преследуют его после смерти.

Необходимым условием ограничения масштабов гражданской войны, снижающим градус взаимного озлобления, Кропоткин считал просвещение масс. Угнетенные должны как можно яснее представлять свои задачи в революции, т.е. цели кардинального преобразования общества, и проникнуться «достаточно сильным энтузиазмом», иначе говоря, стремлением к достижению этих целей. В таком случае, был уверен Кропоткин — и такая уверенность зиждилась на российском опыте (особенно «хождения в народ», к которому он относился с воодушевлением), — революцию могут поддержать здравомыслящие представители правящих классов.

Революционный мыслитель уделил большое внимание подготовке революционного переворота. «Ни одна революция не появлялась ... как Минерва из головы Юпитера», — писал он, формулируя концепцию «подготовительного периода» как пролога революции в виде стихийных народных бунтов, с одной стороны, и деятельности революционных организаций — с другой. Их агитация должна была, ссылался Кропоткин на опыт Великой французской революции, вывести массы из «летаргии отчаяния»<sup>5</sup>, пробудив «дух смелости и восстания»<sup>6</sup>. И, уяснив народу «значение грядущих событий», указав «главных врагов», «ускорить революцию»<sup>7</sup>.

Таким образом роль передовых представителей образованных слоев общества выглядит первостепенной. Среди этих слоев, реконструировал Кропоткин процесс формирования революционной оппозиции, против господствующего порядка вначале выступают одиночки, «глубоко возмущенные тем, что они видели вокруг себя». Их протест вносит беспокойство в настроения общества и побуждает его сознательную часть задуматься о несовершенстве существующего строя. Возникают группы людей, проникающихся революционным духом; из них формируются политические организации и складывается революционный авангард, который направит движение к радикальному переустройству общества. Это то самое «революционное меньшинство», что и вершит историческое действо.

<sup>2</sup> Ударцев С.Ф. М.А. Бакунин и П.А. Кропоткин: две судьбы, две системы идей (краткий сравнительный очерк) // Памяти М.А. Бакунина. М., 2000. С. 15.

<sup>3</sup> Кропоткин П.А. Записки революционера / предисл., прим. В.А. Твардовской. М., 1988. С. 179.

<sup>4</sup> См.: Маркин В.А. Неизвестный Кропоткин. М., 2002. С. 161–162.

<sup>5</sup> Кропоткин П.А. Анархия: сборник / сост. и предисл. Р.К. Баландина. М., 2002. С. 232.

<sup>6</sup> Кропоткин П.А. Речи бунтовщика // Русская социально-политическая мысль XIX–начала XX века: П.А. Кропоткин / сост. П.И. Талеров, А.А. Ширинянц. М., 2004. С. 138.

<sup>7</sup> Там же. С. 143.

«Революции делаются всегда меньшинством», — утверждал Кропоткин, противопоставляя свой постулат позиции реформистов в международном рабочем и социалистическом движении, которые рассчитывали на завоевание парламентского большинства для осуществления социалистических преобразований<sup>8</sup>. Сила этого меньшинства в значении творческих идей, которые они выдвигают, которыми руководствуются и стремятся претворить в жизнь.

«Миром управляют идеи», — провозглашал Кропоткин, имея в виду новаторские идеи, выраженные в «решительной форме», и указывая на выдающееся мобилизующее значение Декларации независимости США или французской Декларации прав человека и гражданина: «Народ мог видеть... как понимает революцию революционное меньшинство и во имя каких начал оно призывает к борьбе»<sup>9</sup>.

Встает, однако, вопрос об отношении сознательного меньшинства к народу, который и являлся, по Кропоткину, субъектом революции. Приходилось доказывать, что революционное меньшинство — это сам народ в лице лучших своих представителей. Между тем Учредительное собрание Франции, принявшее Декларацию прав человека и гражданина, состояло из представителей привилегированных сословий и верхушки третьего сословия. В таком контексте утверждение, что «народ должен действовать сам»<sup>10</sup>, выглядит корректным только с учетом поддержки верхних слоев общества, и Кропоткин обосновал ее необходимость концепцией Великой французской революции как «двойного движения» — интеллектуального движения среди верхних слоев общества и социального движения низов<sup>11</sup>.

Еще один дискуссионный момент, отражающий реальную противоречивость современной Кропоткину революционной мысли, — представление об «одномоментности» перехода к идеальному общественному устройству. Идеей его обретения, подобно «акту» и «счастливому мигу», было проникнутое сознание просветителей; она отчетливо выражена в «Общественном договоре» Руссо<sup>12</sup>. Параллельно с договорным актом согласия граждан на утверждение разумного общественного устройства в глубинах Просвещения выкристаллизовывалась апология права народа на восстание. Основатель университетского преподавания истории Французской революции в России профессор Московского университета В.И. Герье писал о «догме непогрешимости народной», которую он выявил в утверждении Руссо: не бывает «беззаконного или несправедливого возмущения» народа, ибо «никогда народ не восставал против законов, если правители сами не начинали нарушать их»<sup>13</sup>.

В русской революционной среде просветительские идеи, преломленные опытом Французской революции, закрепились абсолютизацией вооруженного восстания, которое в марксистской доктрине подразумевало захват власти для решения программных задач, а для анархистов — наступление обетованного безвластия. О некоем подобии Судного дня как «страшном дне возмездия», после которого наступит «эра братства», размышлял Бакунин<sup>14</sup>.

След представлений об «одноактовом, немедленном, революционном переходе к анархическому идеалу»<sup>15</sup> можно найти и в публицистике Кропоткина; однако в теоретическом плане он не только отвергал, но и опровергал подобные представления обстоятельной разработкой задач «подготовительного периода». «Одномоментности» он противопоставил понимание революции как элемента эволюционного процесса. Притом эволюционизм Кропоткина был в духе своего времени изрядно замешан на позитивизме.

<sup>8</sup> Кропоткин П.А. Великая французская революция 1789—1793 / прим. А.В. Гордона, Е.В. Старостина; статьи В.М. Далина, Е.В. Старостина. М., 1979. С. 204.

<sup>9</sup> Там же. С. 112.

<sup>10</sup> Там же. С. 20.

<sup>11</sup> Там же. С. 9.

<sup>12</sup> См.: Гордон А.В. Кропоткин и Руссо: от политики к этике // Ж.-Ж. Руссо: pro et contra. Антология / сост., вступ. ст., коммент. А.А. Златопольской. Т. 2. СПб., 2016. С. 699—724.

<sup>13</sup> Герье В.И. Понятие о народе у Руссо // Ж.-Ж. Руссо: pro et contra. Т. 1. СПб., 2005. С. 329.

<sup>14</sup> Шубин А.В. Проблема «переходного периода» в российской эмигрантской анархической мысли 20—30-х годов // Анархия и власть. М., 1992. С. 96—97.

<sup>15</sup> Там же. С. 93.

Естественно-научное мировоззрение служило в XIX в. фундаментом позитивизма, стимулировавшего выявление и формулирование законов развития общества. Не избежал этой тенденции и Кропоткин. Наиболее известен выведенный им «биосоциологический закон взаимной помощи»<sup>16</sup>. Сформулировал русский революционер-мыслитель и всеобщий «закон прогресса в человечестве»<sup>17</sup> как цикла революций, прерывающихся реакцией, которая затем сменяется эволюционным развитием.

В периоды эволюции линия прогресса поднимается медленно. «Медленный прогресс» сменяется «резким скачком вверх», наступает революция. Однако силы прогресса еще слишком слабы, чтобы удержаться на достигнутой высоте. И когда против них объединяются «злые силы старого порядка», наступает реакция. Линия прогресса «может упасть очень глубоко», но все же она оказывается на более высоком уровне, чем до революции. С достигнутого уровня начинается новый период медленного развития, притом прогресс идет стремительнее, чем в дореволюционный период<sup>18</sup>.

Как видим, эволюционный подход сплавляется с рассмотрением исторического процесса (за «последние пять или шесть веков», конкретизировал Кропоткин) через призму периодически («через 100—130 лет») совершающихся революционных переворотов, которые и программируют весь ход истории. Наследие революции «народы стараются воплотить в своих учреждениях», довести до конца наметившуюся социальную перестройку, реализовать идеи, которые революция «не смогла или не сумела осуществить так, чтобы они удержались в жизни»<sup>19</sup>.

Очевидно, в этой схеме исторического прогресса сохраняют свое значение и периоды эволюционного, «медленного развития». Благодаря им реализуется революционная программа общественного переустройства, и, более того, к ней добавляются новые идеи, возникающие в процессе реализации и рожденные собственно эволюционным движением. Таким образом, спецификой кропоткинской историологии являются, во-первых, прерывность прогресса с элементами его обратимости, а во-вторых, сохранение и накопление прогрессивных достижений человечества от периода к периоду<sup>20</sup>.

В отличие от классического позитивизма и его основоположников, претендовавших на объективный характер выведенных ими социологических законов, русский мыслитель делал упор на волю исторического субъекта, поставив во главу угла социального прогресса зависимость от желания людей: хотят ли они преобразований, насколько сильно, каково количество жаждущих преобразований<sup>21</sup>. Наконец, как реализуется такое волеизъявление?

Характерная для анархистской мысли апология бунтарства не миновала и Петра Алексеевича. Бунтовским духом проникнуты написанные им передовицы в газете *Le Revolté*, выходившей во Франции на рубеже 1870—1880-х годов. Впечатляет и статья «Нужен ли анархизм в России?» в анархистской газете «Хлеб и воля» в 1904 г. Под этим риторическим вопросом Кропоткин выдвигает проект «все захватывающей рабочей и крестьянской революции». Автор обращается к народу с призывом «бунтуйте против всех, кто вас грабит и правит вами». Характерным кренделем для газеты «Земля и воля» звучала вариация «черного передела»<sup>22</sup>: у русского народа нет хлеба — так пусть он «силою возьмет себе хлеб», т.е. заберет землю помещиков. С ней, уверял Кропоткин, а не с конституционными реформами придет и свобода

<sup>16</sup> См.: *Кропоткин П.А.* Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса / пер. с англ. В.П. Батурина под ред. автора. Пг.; М., 1922.

<sup>17</sup> *Кропоткин П.А.* Великая французская революция... С. 445.

<sup>18</sup> Там же. С. 444—445.

<sup>19</sup> Там же. С. 445.

<sup>20</sup> Некоторые исследователи усматривают противоречие между прогрессизмом и цикличностью в трактовке Кропоткиным исторического процесса (*Рябов П.В.* Философия истории П.А. Кропоткина // Петр Алексеевич Кропоткин и проблемы моделирования историко-культурного развития цивилизации. СПб., 2005. С. 153).

<sup>21</sup> *Кропоткин П.А.* Великая французская революция... С. 553.

<sup>22</sup> Сформировавшись в народнической среде («черноперелдальцев»), идея перераспределения сельскохозяйственной земли в пользу крестьянских общин реализовалась в революции 1917 г. захватом крестьянами помещичьих землевладений.

(«воля»). А захват земли явится прелюдией, за которой последует «завладение» фабриками, заводами, угольными и соляными копиями — «всем, что нужно для жизни»<sup>23</sup>.

Будучи талантливым публицистом, Кропоткин не уступал во вдохновении Бакунину, поэтизовавшему стихию бунта как кульминацию борьбы за свободу и утвердившему бунтарство в качестве постулата анархистского мировоззрения<sup>24</sup>. Однако Петр Алексеевич в теоретическом плане отчетливо различал бунт как локальное проявление массового возмущения и глубинный социальный переворот, имеющий всемирно-историческое значение, революцию. Если Бакунин универсальным фактором народного выступления считал нищету и отчаяние масс<sup>25</sup>, то Кропоткин делал упор на энтузиазме, подпитанном надеждой масс добиться своим выступлением лучшего будущего. «Если нищета и отчаяние толкали народ к бунту, то надежда на улучшение вела его к революции», — так формулировал он важнейшее положение своей теории революции<sup>26</sup>.

Стихия бунта движима ненавистью. Ненавистью, обращался Кропоткин к истории Франции, к праздности и роскоши аристократии со стороны тружеников, живущих в крайней нужде. К духовенству, презиравшему вместе с аристократами людей, которые их кормили. К учреждениям Старого порядка, которые, не признавая за бедняками человеческих прав, «делали бедность еще более тяжелой». К феодальному строю с его повинностями<sup>27</sup>. Накапливавшаяся при Старом порядке веками, она выливалась в многочисленные бунты, предшествовавшие революции, и выражалась в ходе самой революции вспышками вандализма, сожжением замков и особняков знати, порой убийством людей из привилегированного сословия. Кропоткин предвидел, что подобная драматургия революции может ожидать и Россию.

Откуда же воссияла надежда? В революции XVIII в. от духа Просвещения: с культом Разума как верховного судьи для существующих институтов и понятий; с верой в человеческую природу, которая возродится, избавленная от порабащающих человека учреждений. И особенно с проповедью равенства всех людей без различия «рода и племени» перед Законом<sup>28</sup>. За всем этим, полагал теоретик революции, для народа вырисовывались очертания обнадеживающего поворота в условиях жизни.

Спорной в кропоткинистике и подлинно затруднительной для однозначной оценки остается его трактовка роли насилия. Будучи идеологом народной революции, совершающейся действием народных масс и отвечающей их глубинным интересам, Кропоткин считал стихийное массовое насилие неизбежным и реабилитировал его с нравственных позиций как возмездие власти имущим, искореняющее порочность существующего порядка.

«Народный террор, — утверждал Кропоткин, — это террор отчаяния и ответ на все угнетение и презрение правящих классов», результат многовекового воспитания народных масс в духе ненависти к другим народам, пренебрежения к ценности человеческой жизни. Воспитания несправедливым судом и расправой. И «никто не имеет права читать народу нотации и наставления. Только тот, кто сам выстрадал столько, сколько выстрадал народ, имеет право голоса»<sup>29</sup>.

Существует тенденция зачислять мыслителя в «террористы»<sup>30</sup>. Между тем приведенные полемические заявления о праве народа на насилие корректировались дифференцированным отношением к конкретным его проявлениям. Так, индивидуальный террор допускался

<sup>23</sup> Анархизм: pro et contra. Антология / сост., вступ. ст., коммент. П.И. Талеров. СПб., 2015. С. 242–244.

<sup>24</sup> См.: *Рябов П.В.* Философия бунта Михаила Бакунина // Памяти М.А. Бакунина. М., 2000. С. 38–66.

<sup>25</sup> См.: *Блюм Р.Н.* Взгляды П.А. Кропоткина на революцию // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 241. Труды по философии. Т. 13. Тарту, 1969. С. 128–129.

<sup>26</sup> *Кропоткин П.А.* Великая французская революция... С.19.

<sup>27</sup> Там же. С. 16.

<sup>28</sup> Там же. С. 7.

<sup>29</sup> *Кропоткин П.А.* Век грядущего. М., 1925. С. 59–61.

<sup>30</sup> *Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (2-я половина XIX — начало XX в.). М., 2000.

лишь в случаях особого состояния психики человека, травмированной личным оскорблением или издевательством над окружающими. Оправдывалась самозащита. Принципиальным Петр Алексеевич считал общественное осуждение деятельности чиновника, подвергшегося «возмездию».

Кропоткина-гуманиста, очевидно, страшили дух ненависти и ее нагнетание в обществе терактами. Ненависть к имущим, указывал он, не должна подрывать присущего человеческой природе «инстинкта сострадания»<sup>31</sup>. Кропоткин был против возведения террора в систему, а в государственном терроре революционной диктатуры видел опасность перерождения самой революции. И, бесспорно, осуждал манипулирование озлоблением народа, которое выражалось в пропаганде классовых антагонизмов, поиске и стигматизации врагов народа и предельно воплотилось на глазах Кропоткина в «красном терроре»<sup>32</sup>.

Петр Алексеевич внимательно относился к толстовскому движению, ценя в нем стремление к «пробуждению общественной совести»<sup>33</sup>. «Если бы вам, — писал он соратнику Толстого В.Г. Черткову, — удалось соединить большое количество людей... которые во имя общечеловеческой поруки... подняли голос против всякого насилия сверху... — тогда насилие снизу... все менее и менее становилось бы необходимым. Пока этого нет, насилие снизу останется фактором прогресса нравственного»<sup>34</sup>.

Выстраивание антитезы «насилию сверху» в виде «насилия снизу» сделалось принципиальным положением в генезисе революционной мысли Кропоткина. Противоречивым с этической точки зрения и в политическом отношении уязвимым для критики чуть ли не со всех сторон. Прежде всего, то была точка разрыва с консервативным направлением историографии Французской революции, начиная с Ипполита Тэна, живописание которым стихийного насилия в деревне («жакерий») сделалось для Кропоткина исходным в определении значения стихийности как революционного фактора и роли крестьянского движения в революции<sup>35</sup>.

Революционный мыслитель бросал вызов и либеральной, а также социал-реформистской<sup>36</sup> историографии революции. Для этих направлений современной Кропоткину европейской общественной мысли с ее апологией буржуазной революции был неприемлем раскрытый Тэном факт массового крестьянского участия в революции в его вандалистских формах. Оппоненты уверяли, что жакерии «существовали только в мозгу у Тэна» и что Тэн «абсолютно скомпрометирован как историк»<sup>37</sup>.

Кропоткин не отказался от ссылок на сочинение Тэна, но радикально разошелся с теми выводами, на которые подвигло консервативного историка изучение Французской революции. Тэн увидел в крестьянском насилии патологическое состояние психики невежественного народа<sup>38</sup> и сделал вывод о необходимости в обществе мощной силы, сдерживающей подобные болезненные проявления — государства в образе своего репрессивного аппарата (олицетворенного фигурой Жандарма)<sup>39</sup>. Кропоткин сделал упор на развитии посредством

<sup>31</sup> См.: *Талеров П.И.* Классический анархизм в теории и практике российского революционного движения. 1860-е—1920-е гг. СПб., 2016. С. 211.

<sup>32</sup> «Полиция не может быть строительницей новой жизни, а между тем она становится теперь державной властью в каждом городке и деревушке... Открыть эру “красного террора” значит признать бессилие революции», — писал Кропоткин В.И. Ленину. Цит. по: *Маркин В.А.* Указ. соч. С. 375.

<sup>33</sup> *Кропоткин П.А.* Памяти Л.Н. Толстого // Утро России. 21.XI.1910. С. 3.

<sup>34</sup> Цит. по: *Пирумова Н.М.* Петр Кропоткин и Лев Толстой // Труды Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. Вып. 1. М., 1995. С. 148.

<sup>35</sup> Кропоткин обратил внимание на сочинение Тэна еще в 1878 г. и составил краткий конспект. См.: *Кропоткин П.А.* Великая французская революция... С. 456—466.

<sup>36</sup> См.: *Гордон А.В., Старостин Е.В.* Кропоткин читает Жореса. Комментарии П.А. Кропоткина к труду Жана Жореса «Социалистическая история Французской революции» // Великая французская революция и Россия. М., 1989. С. 165—195.

<sup>37</sup> См.: *Кропоткин П.А.* Великая французская революция... С. 473.

<sup>38</sup> *Тэн И.* Происхождение общественного строя современной Франции. Т. 1. Старый порядок. СПб., 1907. С. 299.

<sup>39</sup> Там же. С. 336—337.

просвещения самосознания народа как фактора, смягчающего проявления негативных эмоций и позволяющего направить их в созидательное русло.

Петр Алексеевич ставил эпиграфом некоторых своих публикаций афоризм Бакунина о созидательности «разрушающего духа»: «*Дух разрушающий есть дух создающий, страсть к разрушению есть творческая страсть!*»<sup>40</sup>. При этом отчетливо разделял две стороны революционной деятельности, делая акцент на «построительной» — его любимое слово — работе масс. Тэна он осуждал за одностороннее изображение крестьянских бунтов, абсолютизацию разрушительности революционного действия и игнорирование творческого настроения в деятельности революционеров. Противопоставляя умозаключениям Тэна подход Жюль Мишле в качестве предшественника, представившего революцию народным движением<sup>41</sup>, Кропоткин сосредоточился на местной инициативе в создании органов народного самоуправления, конструктивной деятельности парижских секций, роли секционных активистов, названных «бешеными», в разрешении продовольственных бедствий городской бедноты. Проникся Кропоткин катарсисом революционных празднеств, особо отметив вслед за Мишле, специально исследовавшим то событие, воодушевляющее значение праздника Федерации в 1790 г. как воплощение идей Братства и Равенства<sup>42</sup>, столь значимых в его этике.

Исследователям бросается в глаза, что Кропоткин прошел путь «от радикальных взглядов к более умеренным»<sup>43</sup>. Эта эволюция, вызывавшая недоумение у современников и неприятие у большинства однопартийцев-анархистов, не находит однозначного объяснения и в современной кропоткинистике. Наиболее распространенной сделалась версия о выборе Кропоткиным между Февральской революцией и Октябрем 1917 г. «тактики примиренчества»<sup>44</sup>.

Приверженцы, условно говоря, тактической точки зрения, думаю, не вполне учитывают эволюцию взглядов революционера и мыслителя, замеченную еще на рубеже XIX–XX вв. Профессор философии Санкт-Петербургского университета А.И. Введенский, сравнивая «Речи бунтовщика» (1885) и «Завоевание хлеба» (1892) с последующими книгами, особенно «Современной наукой и анархией» (1913), выделил «двух авторов»: «ярко выраженного революционного утописта» в ранних работах и «идеолога эволюции самого общества на основе воспитания людей в духе творческой и сознательной инициативы»<sup>45</sup>.

Дело было не только в смягчении пропагандистских акцентов, как в приведенном сравнении. Произошло то, что С.Ф. Ударцев охарактеризовал «осознанием Кропоткиным реально происходивших процессов»<sup>46</sup>. Началась Первая мировая война, и Кропоткин одним из первых оценил ее всемирно-исторический смысл: «Теперешняя война творит новую историю. Она всем народам ставит новые условия общественного строительства»<sup>47</sup>. В непонятой и не принятой большинством однопартийцев позиции Кропоткина касательно мировой войны нашло, на мой взгляд, новое, адекватное смене эпох понимание прерывности и эволюционности исторического процесса.

<sup>40</sup> «Дайте же нам довериться вечному духу, который только потому разрушает и уничтожает, что он есть неисчерпаемый и вечно создающий источник всякой жизни. Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть!» Бакунин М.А. Реакция в Германии // Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: М.А. Бакунин / сост. П.И. Талеров, А.А. Ширинянц. М., 2014. С. 60. См. также: *Его же*. Избранные философские сочинения и письма. М., 1987.

<sup>41</sup> Издательство «Ладомир» в серии «Литературные памятники» выпустило в свет первое в России издание классического труда Мишле. Мишле Ж. История Французской революции: в 6-ти т. / прим. Ю.В. Гусевой, статьи А.В. Гордона, Ю.В. Гусевой, Н.Т. Пахсарьян. М., 2022.

<sup>42</sup> Для Мишле праздник Федерации выражал духовный призыв Революции и кульминацию ее творческого начала (Там же. Т. 1. С. 606–619).

<sup>43</sup> Как формулирует П.И. Талеров, «от радикальных взглядов к более умеренным, преимущественно эволюционным» (Талеров П.И. Классический анархизм в теории и практике... С. 203).

<sup>44</sup> Там же. С. 225.

<sup>45</sup> Анархизм: pro et contra. С. 291.

<sup>46</sup> Ударцев С.Ф. Кропоткин. М., 1989. С. 80.

<sup>47</sup> Кропоткин П.А. Избранные труды. С. 496.

Оно продиктовало поворот в политическом мышлении, что отчетливо выразилось в изменении отношения Кропоткина к государству. Политический реализм брал верх над идеологическими постулатами. Сохраняя преданность анархистским идеалам безгосударственности, мыслитель выступил с защитой национальной государственности и подчеркнул значение ее сохранения для успеха социальной революции.

Кропоткин прекрасно понимал, что военное вторжение нельзя остановить антивоенными декларациями, чем с увлечением занялись анархистские лидеры. Нередко подчеркиваются «германофобия» и «франкофилия» Кропоткина. Но следует учесть итоги Франко-прусской войны 1870—1871 гг., завершившейся разгромом французской армии с аннексией Эльзаса и Лотарингии, и события 1914 г., когда вторжение было остановлено в 40 км от Парижа.

Германия полностью использовала свои мобилизационные преимущества и мощь армии вторжения, и Кропоткин отчетливо понимал: силы неравны. Отсюда характерный для него лично прочувствованный довод против пацифистов: «Стоять сложа руки, когда злой и сильный бьет слабого, — непростительная подлость»<sup>48</sup>.

В теоретическом плане основополагающим для Кропоткина явился цивилизационный аспект: война сделалась «столкновением двух враждебных миров — двух цивилизаций». Одна, глубоко демократическая, провозгласив Права человека, признала равноправие всех граждан как основу продвижения к социальному равенству, другая — воплощение имперского господства, которое привело бы к «порабощению всей европейской культуры задачам военного преобладания»<sup>49</sup>. Торжество Германии, писал Кропоткин, «значило бы приостановку на долгие годы той цивилизации, носителем которой была Франция»<sup>50</sup>.

Оставаясь приверженцем социальной революции, наибольшей опасностью для нее Кропоткин считал победу Германии как угрозу наступления реакции на «полстолетия, если не более»<sup>51</sup>. И «нелогичная с точки зрения анархизма»<sup>52</sup> оборонческая позиция была вполне здравой для Кропоткина, который полагал необходимой предпосылкой успеха революции защиту «территории революции»<sup>53</sup>. Эвентуально во Франции, ибо прошлое страны позволяло Кропоткину надеяться, что именно в ней может начаться, как в 1848 г., новая европейская революция. И непосредственно в России, поскольку после Февральской революции защита российской государственности и ее территориальной целостности органично сплавлялась с защитой Российской революции. Названия статей, которые он публиковал в эти месяцы, говорят сами за себя: «Победа Германии — смерть русской свободы»<sup>54</sup>, «Победа на фронте и победа революции неразрывны»<sup>55</sup>.

Идея национального единства для отпора германскому нашествию, высказанная Кропоткиным по приезде в Россию, была его принципиальным выбором. В ставшей притчей во языцех среди анархистов, марксистов-ленинцев, а также в советской и отчасти в постсоветской историографии речи на Государственном совещании в Москве (август 1917) Кропоткин воззвал к единству всех патриотических сил, приведя в пример национальное сплочение, которым встретили войну в странах Антанты. Заметим, этот призыв отличался игнорируемой в подобной критике многозначностью.

<sup>48</sup> Там же. С. 493.

<sup>49</sup> *Талеров П.И.* П.А. Кропоткин о войне: этический и правовой аспекты // Нравственно-гуманистические идеи П.А. Кропоткина и перспективы совершенствования права в условиях новых вызовов. М., 2021. С. 129. См. также: *Петушкова И.В.* Петр Алексеевич Кропоткин и мировая война // Труды Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. Вып. 2. М., 1997. С. 88—89.

<sup>50</sup> *Кропоткин П.А.* Избранные труды. С. 485—486.

<sup>51</sup> Там же. С. 491.

<sup>52</sup> *Дамье В.В., Рублев Д.И.* Указ. соч. С. 635.

<sup>53</sup> *Кропоткин П.А.* Избранные труды. С. 566.

<sup>54</sup> Там же. С. 517.

<sup>55</sup> Там же. С. 519.

Кропоткин выступал за объединение сил, поддержавших свержение царизма, усматривая в таком союзе преграду для реставрации монархии. Петр Алексеевич добивался закрепления завоеваний Февральской революции и, прежде всего, утверждения нового государственного устройства России. Поддержанный овацией «собора русской земли», как он назвал московский форум политиков, промышленников, интеллигенции, Кропоткин предложил провозгласить Россию республикой. При этом предостерег от «балканизации» — распада бывшей империи на мелкие национальные государства, выдвинув в качестве альтернативы создание федеративного государства. Наконец, верный социалистическому идеалу, Кропоткин обозначил перспективу движения в этом направлении, указав на пример социализации экономики в Англии и Франции и определив эти мобилизационные меры понятием «государственного социализма»<sup>56</sup>.

Можно сделать вывод, что Кропоткин в период мировой войны и начавшейся революции в России остался верен идеалу социалистической революции. Вместе с тем его теория революции дополнилась положениями о национально-федеративной государственности как необходимой предпосылке закрепления завоеваний революции. В дальнейшем, с установлением большевистской диктатуры эти положения конкретизировались в защите демократических институтов<sup>57</sup>.

Собственно, призыв к установлению в России республиканского строя выражал общую установку на демократизацию страны. Через призму непреходящей важности демократических ценностей и институтов шло заметное переосмысление итогов революций прошлого. Кропоткин обращал внимание на фундаментальное значение политической демократии (прежде всего, свободы слова, прессы, объединений и демонстраций) — всего того, что в надежде на обретение высшей социальности революционным актом анархисты, заодно с марксистами-ленинцами, с роковыми для себя и страны последствиями не осознали в должной мере.

В центре его размышлений оказались ликвидация сословного неравенства и политические завоевания революций Нового времени, в том числе установление представительного правления и формирование правового государства, что ставило под вопрос безмерно акцентируемый в публицистических текстах «антиэтатизм»<sup>58</sup>. В крайней форме последний обуславливался у Кропоткина-историка определенным типом государства — бюрократически централизованного, возникшего в Европе в пору абсолютизма и которому нанесли удар классические «буржуазные» революции. Кропоткин проявлял чуткость к демократическим процессам, разворачивавшимся в ходе этих революций.

В последних текстах Кропоткина, обобщавших размышления о событиях после Октября 1917 г. и носивших характер политического завещания, горькие слова были сказаны о стихийности как свойстве революции, уподобляющем ее своей разрушительностью природным катастрофам. Она «творит ужасы, — писал Кропоткин о революции, последовавшей за Октябрьским переворотом. — Она разоряет всю страну. Она в своем бешеном остервенении истребляет людей: потому она и есть революция, а не мирный прогресс, что она ломает, не глядя»<sup>59</sup>.

По-новому прозвучала его мысль об альтернативности революции из важнейшего исторического труда: «В истории всякого народа неизбежно наступает когда-нибудь такое время, что глубокое, существенное изменение всего строя его жизни становится неизбежным. Так

<sup>56</sup> Там же. С. 499–502.

<sup>57</sup> См.: Назаров А.А. Уроки реализма: Кропоткин в годы революции // Труды Комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. Вып. 1. М., 1992. С. 116–129; Шубин А.В. Два этапа творчества П.А. Кропоткина и идейная борьба в анархической эмиграции 1920–1930 гг. // Там же. Вып. 2. М., 1992. С. 128–134; Сайтанов С.В. Проявления анархо-реформизма в общественно-политических взглядах П.А. Кропоткина (1897–1921 гг.) // Сб. материалов IV Международных кропоткинских чтений. Дмитров, 2012. С. 68–82.

<sup>58</sup> См.: Ударцев С.Ф. Кропоткин. С. 62. См. также: Назаров А.А. Новая трактовка П.А. Кропоткина исторического развития государства и его влияния на развитие экономики // Труды Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. С. 75–87.

<sup>59</sup> Кропоткин П.А. Что делать? // П.А. Кропоткин и его учение. Чикаго, 1931. С. 202–203.

было во Франции в 1789 г.: королевский деспотизм и феодализм доживали свой век. Долее удержать их было невозможно». Но были «два возможных выхода: реформа или революция».

«Всегда в таких случаях, — обобщал французский опыт Кропоткин, — бывает минута, когда реформа еще возможна. Но если этой минутой не воспользовались, если правители страны, вместо того, чтобы пойти навстречу новым требованиям, упорно сопротивляются проявлениям новой, возникающей жизни и вследствие этого кровь начинает литься на улицах, как это случилось 14 июля 1789 г., — тогда начинается революция». И раз началась революция, она дойдет «до своих крайних последствий»<sup>60</sup>.

Все же Кропоткин допускал альтернативность и при революционном исходе. В отличие от природных катаклизмов, в социальной революции, утверждал мыслитель, возможны варианты: «либо обновляющая, либо разрушающая, либо разрушающая и обновляющая катастрофа»<sup>61</sup>. Реализация вариантов зависит от состояния революционного субъекта, которое, в свою очередь, обусловлено подготовительной работой политических организаций (выделяя своих единомышленников, Кропоткин не исключал вклад других объединений) и новаторской смелостью революционной мысли.

### Библиография

- Анархизм: pro et contra. Антология / сост., вступ. ст., коммент. П.И. Талеров. СПб., 2015.
- Бакунин М.А. Избранные философские сочинения и письма. М., 1987.
- Бакунин М.А. Реакция в Германии // Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: М.А. Бакунин / сост. П.И. Талеров, А.А. Ширинянц. М., 2014. С. 43—60.
- Блюм Р.Н. Взгляды П.А. Кропоткина на революцию // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 241. Труды по философии. Т. 13. Тарту, 1969. С. 124—150.
- Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (2-я половина XIX — начало XX в.). М., 2000.
- Герье В.И. Понятие о народе у Руссо // Ж.-Ж. Руссо: pro et contra. Антология / сост., вступ. ст., коммент. А.А. Златопольской. Т. 1. СПб., 2005. С. 281—362.
- Гордон А.В. Кропоткин и Руссо: от политики к этике // Ж.-Ж. Руссо: pro et contra. Антология / сост., вступ. ст., коммент. А.А. Златопольской. Т. 2. СПб., 2016. С. 699—724.
- Гордон А.В., Старостин Е.В. Кропоткин читает Жореса. Комментарии П.А. Кропоткина к труду Жана Жореса «Социалистическая история Французской революции» // Великая французская революция и Россия. М., 1989. С. 165—195.
- Дамье В.В., Рублев Д.И. Петр Кропоткин. Жизнь анархиста. М., 2022.
- Кропоткин П.А. Анархия: сборник / сост. и предисл. Р.К. Баландина. М., 2002.
- Кропоткин П.А. Великая французская революция 1789—1793 / прим. А.В. Гордона, Е.В. Старостина; статьи В.М. Далина, Е.В. Старостина. М., 1979.
- Кропоткин П.А. Записки революционера / предисл., прим. В.А. Твардовской. М., 1988.
- Кропоткин П.А. Избранные труды / сост., коммент. П.И. Талерова, статьи П.И. Талерова, А.А. Ширинянца. М., 2009.
- Кропоткин П.А. Речи бунтовщика // Русская социально-политическая мысль XIX—начала XX века: П.А. Кропоткин / сост. П.И. Талеров, А.А. Ширинянц. М., 2004. С. 53—147.
- Маркин В.А. Неизвестный Кропоткин. М., 2002.
- Мишле Ж. История Французской революции: в 6-ти т. / прим. Ю.В. Гусевой, статьи А.В. Гордона, Ю.В. Гусевой, Н.Т. Пахсарьян. М., 2022.
- Назаров А.А. Новая трактовка П.А. Кропоткиным исторического развития государства и его влияния на развитие экономики // Труды Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. Вып. 2. М., 1997. С. 75—87.
- Назаров А.А. Уроки реализма: Кропоткин в годы революции // Труды Комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. Вып. 1. М., 1992. С. 116—129.
- Петушкова И.В. Петр Алексеевич Кропоткин и мировая война // Труды Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. Вып. 2. М., 1997. С. 88—98.
- Пирумова Н.М. Петр Кропоткин и Лев Толстой // Труды Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. Вып. 1. М., 1995. С. 75—87.
- Рябов П.В. Философия бунта Михаила Бакунина // Памяти М.А. Бакунина. М., 2000. С. 38—66.

<sup>60</sup> Кропоткин П.А. Великая французская революция... С. 444.

<sup>61</sup> Там же. С. 202.

Рябов П.В. Философия истории П.А. Кропоткина // Петр Алексеевич Кропоткин и проблемы моделирования историко-культурного развития цивилизации. СПб., 2005. С. 144–156.

Сайтанов С.В. Проявления анархо-реформизма в общественно-политических взглядах П.А. Кропоткина (1897–1921 гг.) // Сб. материалов IV Международных кропоткинских чтений. Дмитров, 2012. С. 68–82.

Талеров П.И. Классический анархизм в теории и практике российского революционного движения. 1860-е–1920-е гг. СПб., 2016.

Талеров П.И. П.А. Кропоткин о войне: этический и правовой аспекты // Нравственно-гуманистические идеи П.А. Кропоткина и перспективы совершенствования права в условиях новых вызовов. М., 2021. С. 125–136.

Ударцев С.Ф. М.А. Бакунин и П.А. Кропоткин: две судьбы, две системы идей (краткий сравнительный очерк) // Памяти М.А. Бакунина. М., 2000. С. 4–23.

Ударцев С.Ф. Кропоткин. М., 1989.

Шубин А.В. Два этапа творчества П.А. Кропоткина и идейная борьба в анархической эмиграции 1920–1930 гг. // Труды Комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. Вып. 2. М., 1992. С. 128–134.

Шубин А.В. Проблема «переходного периода» в российской эмигрантской анархической мысли 20–30-х годов // Анархия и власть. М., 1992. С. 88–101.

## References

Anarkhizm: pro et contra. Antologiya [Anarchism: pro et contra. Anthology] / sost., vstup. st., komment. P.I. Talerova. Sankt-Peterburg, 2015. (In Russ.)

Bakunin M.A. Isbrannye filosofskie sochineniya i pis'ma [Selected philosophical writings and letters]. Moskva, 1987. (In Russ.)

Bakunin M.A. Reaktsiya v Germanii [Reaction in Germany] // Russkaya sotsial'no-politicheskaya mysl' XIX – nachala XX veka: M.A. Bakunin [Russian social-political thought of 19<sup>th</sup> – beginning 20<sup>th</sup> century] / sost. P.I. Talerov, A.A. Shirinyants. Moskva, 2014. S. 43–60. (In Russ.)

Blum P.N. Vzgl'yady P.A. Kropotkina na revolyutsiyu [Views of Kropotkin on Revolution] // Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 241. Trudy po filosofii [Scientific notes of Tartu state university. Iss. 241. Works on philosophy]. T. 13. Tartu, 1969. S. 124–150. (In Russ.)

Budnitskii O.V. Terrorism v rossiiskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, etika, psikhologiy (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Terrorism in Russian libertarian movement: ideologie, ethics, psychology (the second half of 19<sup>th</sup> – beginning 20<sup>th</sup> century)]. Moskva, 2000. (In Russ.)

Dam'ye V.V., Rublev D.I. Petr Kropotkin. Zhizn' anarkhista [Piotr Kropotkin. The life of an anarchist]. Moskva, 2022. (In Russ.)

Ger'ye V.I. Ponyatiye o narode u Russo [The concept of the people in Rousseau] // Zh.-Zh. Russo: pro et contra. Antologiya [J.-J. Rousseau: pro et contra. Anthology] / sost., vstup. st., komment. A.A. Zlatopol'skoy. T. 1. Sankt-Peterburg, 2005. S. 281–362. (In Russ.)

Gordon A.V., Starostin E.V. Kropotkin chitayet Zhoresa: Kommentarii P.A. Kropotkina k trudu Zhana Zhoresa "Sotsialisticheskaya istoriya Frantsuzskoy revolyutsii" [Kropotkin reads Jaurès: P.A. Kropotkin's comments on the work of Jean Jaurès "The Socialist History of the French Revolution"] // Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya i Rossiya [The Great French Revolution and Russia]. Moskva, 1989. S. 165–195. (In Russ.)

Gordon A.V. Kropotkin i Russo: ot politiki k etike [Kropotkin and Rousseau: from politics to ethics] // Zh.-Zh. Russo: pro et contra. Antologiya [J.-J. Rousseau: pro et contra. Anthology] / sost., vstup. st., komment. A.A. Zlatopol'skoy. T. 2. Sankt-Peterburg, 2016. S. 699–724. (In Russ.)

Kropotkin P.A. Anarkhiya [Anarchy]: sbornik / sost. i predisloviye R.K. Balandina. Moskva, 2002. (In Russ.)

Kropotkin P.A. Izbrannye Trudy [Selected works] / sost., komment. P.I. Talerova; stat'i P.I. Talerova, A.A. Shirinyantsa. Moskva, 2009. (In Russ.)

Kropotkin P.A. Rechi buntovshchika [Speeches of a rebel] // Russkaya sotsialno-politicheskaya mysl' XIX – nachala XX veka: P.A. Kropotkin [Russian social political thought of the 19<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> century: P.A. Kropotkin] / sost. P.I. Talerov, A.A. Shirinyants. Moskva, 2004. S. 53–147. (In Russ.)

Kropotkin P.A. Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya 1789–1793 [The Great French Revolution 1789–1793] / primech. A.V. Gordona, E.V. Starostina; stat'i V.M. Dalina, E.V. Starostina. Moskva, 1979. (In Russ.)

Kropotkin P.A. Zapiski revolyutsionera [Memoirs of a Revolutionist] / predisl., primech. V.A. Tvardovskoy. Moskva, 1988. (In Russ.)

Markin V.A. Neizvestnyy Kropotkin [Unknown Kropotkin]. Moskva, 2002. (In Russ.)

Mishle Zh. Istoriya Frantsuzskoy revolyutsii [History of the French Revolution]: v 6-ti t. / primech. Ju.V. Gusevoj; stat'i A.V. Gordona, Ju.V. Gusevoj, N.T. Pakhsar'ian. Moskva, 2022. (In Russ.)

Nazarov A.A. Novaya traktovka P.A. Kropotkinym istoricheskogo razvitiya gosudarstva i yego vliyaniya na razvitiye ekonomiki [Kropotkin's new interpretation of the historical development of the state and its influence on development economics] // Trudy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj

150-letiju so dnja rozhdenija P.A. Kropotkina [Works of the International Scientific Conference dedicated to the 150<sup>th</sup> anniversary of the birth of P.A. Kropotkin]. Vyp. 2. Moskva, 1997. S. 75–87. (In Russ.)

*Nazarov A.A.* Uroki realizma: Kropotkin v gody revolyutsii [Lessons of realism: Kropotkin during the years of the revolution] // Trudy Komissii po nauchnomu naslediyu P.A. Kropotkina [Works of the Commission on the scientific heritage of P.A. Kropotkin]. Vyp. 1. Moskva, 1992. S. 116–129. (In Russ.)

*Petushkova I.V.* Petr Alekseyevich Kropotkin i mirovaya vojna [Petr Alekseevich Kropotkin and the World War] // Trudy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 150-letiju so dnja rozhdenija P.A. Kropotkina [Works of the International Scientific Conference dedicated to the 150<sup>th</sup> anniversary of the birth of P.A. Kropotkin]. Vyp. 2. Moskva, 1997. S. 88–98. (In Russ.)

*Pirumova N.M.* Petr Kropotkin i Lev Tolstoj // Trudy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 150-letiju so dnja rozhdenija P.A. Kropotkina [Works of the International Scientific Conference dedicated to the 150<sup>th</sup> anniversary of the birth of P.A. Kropotkin]. Vyp. 1. Moskva, 1995. S. 75–87. (In Russ.)

*Ryabov P.V.* Filosofiya bunta Mikhaila Bakunina [The philosophy of rebellion by Mikhail Bakunin] // Pamyati M.A. Bakunina [In memory of M.A. Bakunin]. Moskva, 2000. S. 38–66. (In Russ.)

*Ryabov P.V.* Filosofiya istorii P.A. Kropotkina [Philosophy of history] // Petr Alekseyevich Kropotkin i problemy modelirovaniya istoriko-kul'turnogo razvitiya tsivilizatsii [P.A. Kropotkin and the problems of modelling of historical and cultural development of civilization]. Sankt-Peterburg, 2005. S. 144–156. (In Russ.)

*Sajtanov S.V.* Proyavleniya anarkho-reformizma v obshchestvenno-politicheskikh vzglyadakh P.A. Kropotkina (1897–1921 gg.) [Manifestations of anarcho-reformism in the socio-political views of P.A. Kropotkin (1897–1921)] // Sb. materialov IV Mezhdunarodnyh kropotkinskih chtenij [Collection of materials 4<sup>th</sup> International Kropotkin readings]. Dmitrov, 2012. S. 68–82. (In Russ.)

*Shubin A.V.* Dva etapa tvorchestva P.A. Kropotkina i ideynaya bor'ba v anarkhicheskoy emigratsii 1920–1930 gg. [Two stages of P.A. Kropotkin's creative work and the ideological struggle in the anarchist emigration of 1920–1930] // Trudy Komissii po nauchnomu naslediyu P.A. Kropotkina [Works of the Commission on the scientific heritage of P.A. Kropotkin]. Vyp. 1. Moskva, 1992. S. 128–134. (In Russ.)

*Shubin A.V.* Problema “perekhodnogo perioda” v rossiyskoy emigrantskoy anarkhicheskoy mysli 20–30-kh godov [The problem of the “transitional period” in the Russian emigrant anarchist thought of the 20–30s] // Anarkhiya i vlast' [Anarchy and power]. Moskva, 1992. S. 88–101. (In Russ.)

*Talerov P.I.* Klassicheskij anarkhizm v teorii i praktike rossiyskogo revolyutsionnogo dvizheniya. 1860-ye–1920-ye gg. [Classical anarchism in the theory and practice of the Russian revolutionary movement. 1860s–1920s]. Sankt-Peterburg, 2016. (In Russ.)

*Talerov P.I.* P.A. Kropotkin pro vojnu: eticheskij i pravovoy aspekty [Kropotkin about the war: ethical and legal aspects] // Nravstvenno-gumanisticheskiye idei P.A. Kropotkina i perspektivy sovershenstvovaniya prava v usloviyakh novykh vyzovov [Moral and humanistic ideas of P.A. Kropotkin and prospects for improving the law in the face of new challenges]. Moskva, 2021. S. 125–136. (In Russ.)

*Udartsev S.F.* Kropotkin. Moskva, 1989. (In Russ.)

*Udartsev S.F.* M.A. Bakunin i P.A. Kropotkin: dve sud'by, dve sistemy idey (kratkiy sravnitel'nyy ocherk) [M.A. Bakunin and P.A. Kropotkin: two destinations, two systems of ideas (a brief comparative essay)] // Pamyati M.A. Bakunina [In memory of M.A. Bakunin]. Moskva, 2000. S. 4–23. (In Russ.)